

УДК 811.16 + 008

ББК 81(=416) + 71(=416)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. А. А. Плотникова
г. Москва, Россия

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ГРАДИЩАНСКИХ ХОРВАТОВ (АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ)

Авторская работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-18-01373
«Славянские архаические зоны в пространстве Европы:
этнолингвистические исследования».

Аннотация: Работа посвящена народной духовной культуре Среднего Градища на австро-венгерском пограничье. Традиционно хорватский Бургенланд, или Градище, как его называют сами хорваты-переселенцы, делится на Северное, Среднее и Южное. Все три части несколько различаются по говорам и особенностям в лексике, в том числе — в терминологии традиционной народной культуры. В статье анализируются основные мотивы в народной духовной культуре Среднего Градища: на австрийской стороне это села Великий Бориштоф и Малый Бориштоф, Филеж, Мьеново, Гериштоф, Фраканова, Шушево; на венгерской — Унда, Присика, Хорватский Жидан, Плайгор. Во всех селах автором были проведены полевые этнолингвистические исследования (2007–2017), легшие в основу работы. Показаны общие черты и различия в народном календаре и «низшей» мифологии Среднего Градища, характеризующие села на территории Австрии и Венгрии. Выделены архаические черты традиционной народной духовной культуры по обе стороны границы.

Ключевые слова: градищанские хорваты, этнолингвистика, народная духовная культура, терминологическая лексика, славянские архаические ареалы, народный календарь, продуцирующие обряды, запреты, народная мифология.

Информация об авторе: Анна Аркадьевна Плотникова — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., 32 А, 119334 г. Москва, Россия. E-mail: inslav@mail.ru

Дата поступления статьи: 28.08.2017

Дата публикации: 15.03.2018

На сегодняшний день хорватский Бургенланд, или Градище, как его называют сами хорваты-переселенцы, проживающие здесь уже около 500 лет, — славянский архаический ареал в окружении австрийских и венгерских традиций. Узкой полосой по обе

стороны австро-венгерской границы протянулись хорватские села градищанцев¹. Традиционно Градище делится на Северное, Среднее и Южное, причем все три части этого края несколько различаются по говорам и особенностям терминологической лексики традиционной народной культуры. Сохраняется связь с первичной территорией расселения — Хорватией, откуда хорваты-переселенцы принесли с собой основные славянские обычаи, ритуалы, народные представления о природе и окружающем мире; вместе с тем прослеживается и влияние соседних культур в контакте с которыми живут сегодня австрийский и венгерские градищанские хорваты.

Выбор Среднего Градища для этнолингвистического исследования связан с наиболее устойчивыми здесь сюжетами из области народной мифологии, а также с результатами последней экспедиции в Венгрию, во время которой был изучен примыкающий к «долинцам» (проживающим в Среднем Градище) хорватский анклав в Венгрии. Четыре обследованных хорватских села на территории Венгрии — Унда, Присика, Хорватский Жидан и Плайгор — расположены достаточно компактно, особенно это касается трех последних сел, тогда как Унда — в десяти километрах севернее основного «куста» сел (в стороне от основной дороги Шопрон – Сомбатхей), что не мешает активному социальному, культурному и религиозному взаимодействию его жителей с другими хорватскими соседями как на территории Венгрии (например, в селах Жидан², Плайгор и Унда общий хорватский священник), так и на территории Австрии (Унда находится всего в трех километрах от соседнего хорватского Филежа по другую сторону границы, откуда постоянно приезжают гости, торговцы, коммерсанты, а также родственники хорватов; наблюдается и активный обратный процесс регулярного посещения Австрии градищанскими хорватами).

Градищанскохорватский анклав в Австрии был обследован в полевых этнолингвистических экспедициях 2007 и 2013–2015 гг.³ Опрос во время полевого исследования велся по трем основным направлениям: народный календарь, семейная обрядность (рождение, свадьба, смерть) и так называемая «низшая» мифология (т. е. прежде всего сохранившиеся поверья о демонологических персонажах, о запретах и предписаниях, связанных с бытом и окружающей природой). В рамках этих тем записывалась и терминологическая лексика народной духовной культуры, которая имеет свою специфику как в рамках одного микроареала, так и в каждом обследуемом селе. В Среднем Градище Австрии были обследованы села «долинцев»: в 2007 г. — Велики Бориштоф (Grosswarasdorf), Мьеново (Kroatisch Minihof); в 2013 г. — Шушево (Nebersdorf), Филеж (Nikitsch), Фраканав (Frankenau), Долня Пуля (Unterpullendorf) и повторно Велики Бориштоф и Мьеново.

В 2017 г. была осуществлена этнолингвистическая экспедиция в Венгрию⁴ к градищанским хорватам «по ту сторону» австро-венгерской границы с целью проследить

¹ Заселение хорватами территорий тогдашней западной Венгрии, в сильной мере опустошенных турками, началось в самом конце XV в.; массовые миграции происходили в первых десятилетиях XVI в. [16, s. 19] в основном по причине бегства от турок, голода, тяжелых налогов и пр. Кроме того, крупные землевладельцы северной Венгрии могли переселять своих собственных подданных с юга на север. В то время хорватские земли в своей западной и северной части принадлежали Венгрии и граничили с Османской империей, в результате турки в течение многих столетий нападали на хорватские и славонские земли после освоения Боснии, что являлось основной причиной переселения хорватов на север.

² Центральное село Среднего Градища в Венгрии, Хорватский Жидан, местные жители для краткости называют «Жидан», связывая это наименование со словом *zidan* «построенный», иногда — с *žito* «хлеб», *život* «жизнь», придавая такой народной этимологии значение особой духовности.

³ Подробнее см.: [7].

⁴ Экспедиция проводилась сотрудниками Института славяноведения РАН А. А. Плотниковой и Д. Ю. Ващенко.

континуитет сохраняющихся традиций в ином неславянском окружении. Благодаря опросу многочисленных местных жителей (опрошено свыше 20 человек) были основательно проштудированы основные мотивы хорошо сохранившегося здесь народного календаря, семейной обрядности (где особо выделяются свадебные обычаи), отдельные нарративы из области народной демонологии, которая в целом оказалась значительно «стертой» по сравнению с богатством мифологических рассказов из Австрии, где люди без каких-либо опасений (кроме как показаться смешными и не современными) сообщали о них собирателям⁵. В данном случае большим подспорьем оказались уже опубликованные «Сказки и легенды долины Рёпце» в хорватско-венгерском издании [11], напоминание о которых подталкивало информантов к собственным воспоминаниям из сферы народных преданий о «черных монахах», обитанию где-то вблизи села мифологических персонажей, похожих на русалок (*bijela vila*: имеется в виду южнославянская «вила»⁶, как правило, помогающая людям в данном культурном ареале), «огненном» дьяволе, садящемся на нижнюю опору телегу, ведьме (*viška*) и др.

Основные мотивы, традиционно известные в славянских архаических зонах, — это, с одной стороны, магическое вызывание богатства (варианты: здоровья, плодородия, плодovitости скота и домашней птицы), с другой — магические способы защитить свое благосостояние (в том числе здоровье людей, достаток, плодородие полей, плодovitость домашнего скота и птицы), т. е. обереги *od zloga* [от зла, от беса]. Оба мотива часто присущи одному и тому же обрядовому тексту. Под «злом» у градищанских хорватов подразумеваются как любые сверхъестественные проявления дьявольской силы, мешающей жизни людям, так и неумышленные действия соседей, обладающих силой сглаза. Намеренные действия местных ведьм по «отбиранию молока», нанесению вреда здоровью людям, скоту, домашней птице, урожаю также связываются со вселенским злом и проявлением силы дьявола (в силу католического вероисповедания жителей Градища по обе стороны австро-венгерской границы).

Эксплицитное выражение мотива обеспечения богатства, плодородия, здоровья — *benčanje, jačenje*, т. е. высказывание благопожеланий нараспев, которое осуществляется на Рождество и особенно в Новый год во всех селах градищанских хорватов, в том числе и в Среднем Градище. М. Йорданич приводит в своей книге об обычаях градищанских хорватов песню-благопожелание, адресованную поочередно в куплетах «дорогим братьям» (*draga braća*, обращение), хозяину (*gospodaru*), хозяйке (*gospodarici*) и молодой девушке (*mladenkinji*) с пожеланиями веселья, радости, долгой жизни, здоровья, радости, счастья (девушке — еще и «прекрасного жениха»). Устойчивый мотив в подобных градищанских благопожеланиях — благословение от «маленького Иисуса», например, в приведенной песне: *da b' ga Jezuš blagoslovil* [чтобы Иисус благословил]; *od mal'anoga Jezuša da b' dobila va žitku...* [от новорожденного Иисуса чтобы получила в жизни...] и т. п. Этот один из самых полных вариантов новогодней песни (*novoljetna jačka*) зафиксирован Йорданичем в селе Гериштоф (Австрия) [13, s. 14]. Несколько рождественских и новогодних песен-благопожеланий опубликовано в новом сборнике «Наши календарные песни», подготовленном Гизелой Ченар [15].

⁵ Иная ситуация наблюдалась на территории Венгрии: именно народная мифология вызывала самые большие опасения у информантов, — видимо, сказывалось длительное пребывание на территории социалистической Венгрии.

⁶ Подробнее см.: [6, с. 199–212, 616–633], там же этнолингвистические карты «Мифологические персонажи типа *вила*: названия, поверья» и «Опасные для людей следы (места) пребывания персонажей типа *вила*».

Следует отметить, что в сборнике градищанскохорватских песен находим весьма архаические мотивы, связанные с бытом и материальной культурой уходящего времени, например: *Prebudite se va srcu, dragi hižni gospodar, / zis vašom gospodaricom, ter primite naš pozdrav. / Mi željimo gospodaru, kot i cijeloy družini: / sve najbolje, dobro zdravlje, dug žitak va tišini. / A nadalje štire vole, sijena, dosta slamice, / štire krave, tri telice, petsto kabal⁷ pšenice. / Petnajst ovac i baranov, tri svinje da b' zaklali / i pedeset vidar vina daruj vam Božić mali⁸*. [От всего сердца, дорогой хозяин с вашей хозяйкой, и примите наше поздравление. Мы желаем хозяину, как и всей семье: всего наилучшего, доброго здоровья, долгой жизни в тишине. А далее — четырех волов, сена, достаточно соломы, четыре коровы, трех телок, пятьсот четвертин пшеницы. Пятнадцать овец и баранов, чтобы зарезали трех свиней, и пятьдесят ведер вина пусть подарит Вам Новый год] (Фраканав, Австрия) [15, s. 19]

Во время полевых исследований удалось отметить только сокращенные версии рождественских и новогодних песен-благопожеланий, например: *Na ovo Kristoševoy narodjenje / Bog Vam daj zdravlja i veselja, / i se ča si od Boga želite / a po smrti večno zveličenje* [На это Рождество Христово / Дай Бог вам здоровья и веселья и всего, что желаете от Бога, а после смерти — вечного блаженства] (Мьеново, Австрия), *Na ovo Novo leto / Bog Vam daj zdravlja i veselja, / se ča si od Boga želite, / a po smrti va nebo* [На этот Новый год пусть Бог вам даст здоровья и веселья, всё, что вы себе желаете, а после смерти — на небеса] (Фраканав, Австрия); *Hvaljen budi Jezuš Kristuš / na vo Novo ljeto Bog Vam daj zdravje i veseje, se ča od Boga željite⁹, a po smrti va nebo!* [Восхваляем Иисуса Христа, на это Новый год пусть Бог даст вам здоровье и веселье, всё, что от Бога желаете, а после смерти — на небо!] (Жидан, Венгрия). Вместе с тем записаны многочисленные нарративы о ритуальных действиях в течение всего календарного года, основной смысл которых направлен на благосостояние и здоровье домочадцев. В данной работе представим некоторые из этих ритуалов и обрядов в качестве примеров.

Между Рождеством и Новым годом празднуются так называемые *Mladenci* (день невинных младенцев; 28.12) и *Štefanja* (день св. Стефана; 26.12); в один из этих праздников проводятся ритуальные обходы молодых людей (или детей) с прутьями, которыми они стегают домочадцев (вариант: девушек, пожилых людей), чтобы те были здоровыми и ловкими (в случае со стариками присутствует мотивировка: «чтобы долго жили»; Жидан). У градищанцев Венгрии, как и Австрии, обряд называется *friškanje*¹⁰, от приговора, которым сопровождается ритуальное битье ветками, прутьями или плетками из них: *Da budete friški!* [Чтобы были свежими!] (Унда); *Friži budte, zdravi budte!* [Будьте свежими, будьте здоровыми] (Жидан); *Cilo ljeto zdravi budte!* [Весь год будьте здоровыми!] (Присика). Ритуальное битье вербой как пример славянского архаического обрядового текста, имеющего свою функцию (наделение здоровьем людей), субъект (исполнители обряда), объект (адресат битья), предметные атрибуты (вербовые прутья), а также обстоятельства места и времени (определенное время и место исполнения) был подробно проанализирован Н. И. Толстым, отметившим не только на указанную синтагму (текст обряда), но и на его парадигматику (возможные замены исполнителей

⁷ Зд.: *kabao* — мера поля для посевов.

⁸ *Božić* — Рождество, *Božić mali* — «Новый год», букв. «второе маленькое Рождество».

⁹ Здесь и далее передается только место ударения.

¹⁰ От *friškat* 'хлестать веткой с пожеланием здоровья в один из дней после Рождества' (Присика, Жидан).

обряда в зависимости от культурного ареала; предметного кода, адресата и т. д.) [10, с. 63–77].

На весенний праздник *Markova* (25.04) исполняются обходы полей во главе со священником, более известные в Среднем Градище Австрии [1, s. 320] и порядком подзабытые у хорватов анклава со стороны Венгрии. Во время экспедиции 2017 г. удалось записать рассказ об этом обряде как о событии минувших лет в Хорватском Жидане — процессия жителей во главе со священником выходила «благословлять жито»: *Na Markovu se onda htulo pojt van na poje i onda se htulo tamo žito blagoslovit, to je htulo bit na Markovu. S prošecijom, oš kad sam ja bila, se htulo pojt ter se htulo blagoslovit žito* [На Маркову выходили за село на поле и там благословляли жито, это делали на Маркову. С процессией, еще когда я была <молодая>, ходили жито благословлять]. В этот день, по словам собеседницы, нарезали подросшие зеленые стебли пшеницы и сплетали из них венки, которые вешали на знамена и крест (*ter se htulo napljest kod vijenac, ter se htulo na zastave verć onda* [и сплетали в виде венков, и на знамена тогда надевали]). Пшеницу благословляли с целью защиты от непогоды, особенно от града. В настоящее время освященные в этот день зеленые стебли пшеницы несут домой в качестве оберега от града, молнии, бури и другого «зла»¹¹. Обряд обхода полей на св. Марка, который в настоящее время совершается только теми хозяевами, которые имеют свои земельные угодья (при этом соседи, которые не идут с процессией в поле, получают освященные травы в подарок), может служить ярким примером совмещения обоих основных мотивов в архаических культурных ареалах — обеспечение урожая и охранную функцию освященных растений.

Следует добавить, что мотив обеспечения плодородия и одновременно защиты от всяких напастей пронизывает и отдельные сезонные ритуалы. Так, по сообщению хорватского священника, который проводит службы в трех селах (Жидан, Плайгор, Унда), в последний день Масленицы на сельских «балах» танцевали, топая ногами как можно сильнее, чтобы «вытоптать» все будущие сорняки в поле (*da iz žita octak izgazu*) [чтобы из колосьев сорняки вытоптать]. Многие из таких ритуалов совершались в канун Рождества: например, желая, чтобы наступающий год был урожайным, за ужином в Сочельник (*Badnjak*) хозяева ставили на стол блюдо, куда сыпали зерна пшеницы, кукурузы и обязательно добавляли к «семенам» монетку для богатства (Жидан). То же касается обеспечения здоровьем членов семьи в течение наступающего года: для того чтобы все домочадцы были в течение года «вместе» (*da smo svi skupa*), чтобы их не разделяла смерть, болезнь и пр., делили в Сочельник за ужином большое целое яблоко на столько долек, сколько родственников сидело за столом (Жидан).

Магическое наделение плодовитостью имеющегося у хозяев скота по обе стороны современной границы связывалось с обходами домов пастухом (прежде всего, свинопасом) осенью на *Martinja* (*Mertinja*) (11.11). Обряд лучше сохранился в градищанских селах Венгрии, тогда как в Австрии его постепенное исчезновение объясняют изменившейся системой оплаты пастухов¹². Так, в селе Филеж в Среднем Градище Австрии собеседники особо подчеркивали, что ветка (*martinska šiba*) должна быть на конце со множеством листиков, чтобы свиньи хорошо плодились¹³: пастух носил с собой на св. Мартина целую охапку березовых веток с большим количеством листьев

¹¹ Засушенные зеленые стебельки пшеницы, собранные на праздник св. Марка, можно увидеть на чердаках домов, где они хранятся в качестве оберега.

¹² Подробнее о постепенной утрате ритуала см.: [7, с. 163–164].

¹³ О семантике множественности в магии плодовитости см.: [5, с. 355].

и, передавая в каждом дворе по ветке хозяевам, произносил благопожелание, чтобы те имели много поросят и телят: *Koliko lišća tilo bit, toliko vam želim blaga* [Сколько листьев, столько вам желаю скота!] (Филеж, Австрия)¹⁴. За это он получал подарок, съестное, деньги или зерно: *On je til je dostat poklon mali, novac ili dostat nešto za pojist, ili žito, tako ča. U sakom selu drugačije* [Он хотел получить небольшой подарок, деньги или что-нибудь съедобное, или зерно, что-то такое. В каждом селе по-своему] (Филеж, Австрия). Ветка (*martinska šiba*), которую стремились заполучить от пастуха хозяева, должна была иметь множество листочков, чтобы свиньи хорошо плодились. Аналогичный ритуал распространен и в Венгрии, где часто до сих пор исполняется хорватами-градищанцами (Жидан, Присика, Унда). В Хорватском Жидане пастух носил березовую ветку с листьями, называемую *mertinska palica (batica)* [посох Мартина], которую он оставлял хозяевам со словами благопожелания «Сколько листьев на этой ветке, столько пусть будет свиней», за что получал вино и лепешку.

Во время зимних праздников самими хозяевами совершались ритуалы, направленные на плодovitость скота и домашней птицы, главным образом, кур в течение следующего календарного года. Подобные ритуальные действия сохраняются в Среднем Градище и в Австрии, и в Венгрии в семьях, где содержатся домашние животные и домашняя птица. М. Йорданич передает детские воспоминания собеседников из Филежа о том, как рождественскую солому обязательно подстилали под коров, чтобы они были спокойными, как в Сочельник хлев освящали святой водой травами от троицких праздников, коровам давали кусочек хлеба и яблока от ужина в Сочельник, чтобы они в течение года давали много молока [13, s. 142]. У хорватов Венгрии, например, в Жидане в Сочельник на белую скатерть (*ubrus*) на столе раскладывали веревку, делая из нее круг, куда помещали зерна пшеницы, полагая, что этими магическими действиями будут способствовать тому, чтобы куры в течение года не убежали со двора, держались вместе (*poželju da skupa ostanu*) [<хозяева> пожелают, чтобы <куры> оставались вместе]. В Плайгоре во время обходов дворов ряженных на Масленицу хозяева старались незаметно выдернуть из одежды «соломенного деда» пучки соломы с целью подложить курам в гнезда — такая ритуальная кража¹⁵ должна была способствовать большей яйценоскости.

Другой важный мотив, неразрывно связанный с идеей плодovitости и плодоношения, — защита всего живого от зла в течение года (обереги). Среди основных предметных оберегов у хорватов Среднего Градища особое место отводится освященной зелени (что имеет прямые соответствия у славян-католиков — поляков, чехов, словаков и т. д.)¹⁶. В течение всего года хранятся в доме вербовые ветки (*macice*), освященные на вербное воскресенье (*Macicna nedéja*)¹⁷. Эти прутьики держат комнатах и разных помещениях двора в течение года с целью защиты от непогоды, грома, молнии, пожаров. В четверг на Троицкой неделе празднуется *Tijelova*: в четырех концах села, где проходит шествие со священником, делают арки из свежей зелени (*hutice*); все хозяйки в селе

¹⁴ Развернутое градищанское благопожелание, в основе которого лежит магическая формула уподобления («сколько листьев на ветке, столько вам желаю скота»), приводится в книге М. Йорданича [13, s. 126–127].

¹⁵ Ср. функции ритуальной кражи в других архаических регионах Славии [9]; в большинстве случаев это делалось, чтобы всё велось, плодилось, зарождалось у самих хозяев.

¹⁶ Подробнее см.: [2].

¹⁷ И в Австрии, и в Венгрии хорваты в последние годы из таких веток с подвешенными на них пасхальными яйцами повсеместно делают большие букеты в напольных вазах — *vazmeno stablo* (пасхальное дерево; Австрия) или *vazmeno drvice* (пасхальное деревце; Венгрия).

в обязательном порядке вытаскивают затем из этих зеленых ворот и «шатров» прутьики и цветы, чтобы хранить в доме от всякого зла. Обычай фиксируется повсеместно у градищанских хорватов как Австрии, так и Венгрии¹⁸.

Оба основных архаических мотива находят отражение в многочисленных запретах, причем запреты лучше сохраняются в селах градищанцев Венгрии, нежели в современной Австрии. Так, во всех селах Среднего Градища Венгрии отмечен запрет стирать и развешивать белье на Рождество (в Присике — от дня св. Сильвестра до Нового года), в противном случае в течение года погибнет скот. Непрозрачная мотивировка такого запрета зафиксирована в опубликованных источниках: жители Унды, например, считали, что на месте сушащегося белья может сушиться шкура животных, которые погибнут в наступающем году [13, s. 148]. Во всех четырех селах градищанских хорватов Венгрии встретился запрет шить в Сочельник, на св. Люцию (13.12 — начало Адвента, т. е. канун рождественских праздников)¹⁹ и в Великую пятницу перед Пасхой, иначе «зашьешь курам задницы» (*ćeš rit zašit*), и они не будут нестись.

В народном календаре градищанских хорватов можно отметить и так называемый «сезонный» мотив прощания с зимой (холодным временем года) на Масленицу. Прощаясь с зимой, обязательно сжигали или закапывали символически представленное зимнее время, главным образом, — соломенную куклу. Об этом ритуале говорили: *zakápaju zimsko vrime* [закапывают зимнее время] (Присика); *da se zima zakapa; strašidu zimu da projde* [чтобы зиму закопать; пугали зиму, чтобы прошла]; *A nekad tako načinja na slamu, ter je požgu, a to je da zima projde, protuliće dojde* [А раньше так из соломы делают <человека> и сожгут, а это чтобы зима прошла, весна пришла] (Жидан). С той же целью масленичные ряженые шумели как можно громче, чтобы зиму «напугать и прогнать» (Жидан).

В рамках масленичных обходов ряженных наблюдаются и следы общественного порицания не женившихся на Масленицу молодых людей. Если в селах градищанских хорватов Австрии до сих пор известен обряд «колодка» (волочение деревьев или предметов из дерева, например, корыта, не женившимися на Масленицу молодыми людьми), то у градищанских хорватов Венгрии при отсутствии воспоминаний о таком обряде прослеживается мотив подобного порицания в масленичной фразеологии. В селе Плайгор, где ряженье на Масленицу было особенно развернутым, делали «соломенного деда», т. е. человек одевался в белую одежду («как снеговик»), набитую соломой²⁰, и называли его *djed, slamnji djed*, а в соседнем Жидане о плайгорской центральной фигуре ряженья также говорили: *slamnji djed*. Любопытно, что в дальнейшем развернутом объяснении название связывается с не женившимся на Масленицу мужчиной: *Mislím, najslamnji ostanu ki se ne našel par u Mesopusno vrime, taj onda sam ostal, ne? To je slamnji djed* [Думаю, самыми соломенными остаются те, кто не нашел себе пары во время Мясопуста, тот один тогда остается, нет? Вот это соломенный дед] (Жидан). В следующих ответах на вопросы собеседница поясняет, что «настоящее значение» (*pravo značenje*) выражения заключается в том, что так говорили о не женившейся или не вышедшей замуж молодежи: *slamnji djed i baba*. В самом ряженье на Масленицу участвуют только мужчины: ... *tamo su si dva muži bili obličeni. Su se dobro namazali usnice i tako svakog*

¹⁸ У градищанских хорватов Венгрии, в отличие от соседней Австрии, *Tijelova* празднуется не в четверг («рабочий день»), а в ближайшее к нему воскресенье.

¹⁹ Как вариант — в канун этого «женского» праздника, т. е. в день св. Варвары (4.12).

²⁰ Именно эта солома считалась плодотворной для разведения кур, если ее украсть у «деда», см. выше.

lipo kuševali da budu videli. U šali. Bižali pred njimi [...там два мужчины были наряжены. Хорошенько мазали губы и так каждого целовали, чтобы было видно. В шутку. От них убегали] (Жидан). Но если кто-либо (безотносительно к полу) не вступил в брак на Масленицу, то про эту особу говорили, что он/она остались «соломенными»: (*na toga su mogli rec da je slamnji ostal*). Такая мотивировка выражения, подкрепленная обычаями ряженья (а также и сжигания в последний день Масленицы кукол, сделанных только из соломы), во многом объясняет устойчивый в ряде славянских и европейских языковых традиций атрибут «соломенный» при оценочных характеристиках окружающих (подробнее об этих образных межъязыковых фразеологизмах, подобных «бродячим» сюжетам см.: [1, с. 285–302]).

Помимо важнейших для повседневной жизни сюжетов в традиции градищанских хорватов прослеживается архаический мотив посещения дома «небесным», или потусторонним (сверхъестественным), гостем в важнейшие праздники. Ряд ритуалов и обычаев венгерских градищанских хорватов на Рождество и Троицу отражает следы таких представлений. Например, за ужином в Сочельник следовало оставить одно свободное место за столом и пустую тарелку: *da mora Jezuš dojt, ali u obliku Jezuša mati, siroma(h) ili ki drugi, da ima mesto kod stola* [ведь должен Иисус прийти, но в облике Иисуса — мать, нищий или кто-либо другой, чтобы было место за столом]. Уточняя, для кого оставляли пустую тарелку на столе, собеседница пояснила, что это нужно для гостя — духовного («небесного») или светского, но «подразумевают покойных родственников»: *Za gosta, nebéskoga ili za mirskóga, ali se mislu na pokojne ki su prošli. To se misli da budemo mi se skupa* [Для гостя, небесного или светского, но думают о покойных, которые ушли. Это думают, чтобы мы все вместе были] (Жидан, Венгрия). Мотив посещения дома потусторонним гостем в рождественский период прослеживается в компонентах самых разных ритуалов и в Венгрии, и в Австрии: так, при внесении в дом украшенной елки для детей «Мария» должна быть вся в белом, как невеста (*kod nas bi Marija došla, va belom kod i zaručnja*), чтобы ее никто не узнал (Жидан); женщине, которая раскидывает орехи и сухофрукты детям, чтобы те подражали цыплятам, имитируя большое количество приплода птицы в наступающем году, предписывается замотать голову платком или шалью, чтобы ее ни в коем случае не узнали (Нова Гора, Австрия) [7, с. 141–143]²¹. Во время пения рождественских благопожеланий дети и подростки в группе колядующих должны были быть в кожаных полушубках с мехом (иногда добавляют, что «кожаные шубы» выворачивали наизнанку) и зимних пастушьих шапках, а также держать в руках посохи, пастушьи палки; этих колядующих называли *pastiri* («пастухи») (Унда, Венгрия)²². Отметим, что пастухам на этой территории хорваты приписывают сверхъестественные свойства (оборотничество, распознавание ведьм, умение перехитрить ведьму и т. п., см.: [11, с. 15, 21–25]).

Для полноты картины народной традиции Среднего Градища на австрийско-венгерском пограничье следует особо отметить мифологические мотивы, которыми славится у градищанцев именно эта часть их расселения вне Хорватии. При этом в селах Венгрии приходилась не раз слышать, что все рассказы им известны «из Австрии», что там обитают «ведьмы», «белые вилы» и прочие подобные персонажи. Такие выраже-

²¹ Ср. стремление И. Хорвата передать атмосферу таинственности и ожидания чудесного гостя при описании семейных обычаев под Рождество [12, с. 129].

²² Ср.: «Kod nas na Undi se dičaki opravu u kožne bunde kot pastiri. Tako jačući božične jačke obilazu sve selo. Jedan uvijek nosi betlehemsku štalicu s ditešcem» [У нас в Унде мальчики надевают шубы из кожи, как пастухи. Так, распевая рождественские благопожелания, обходят всё село. Один всегда несет рождественские ясельки с младенцем] [13, с. 144].

ния, как «шушевская ведьма» (*šuševska viška*)²³, «огненный (дьявол, змей)» (*ognjeni*), известные в градищанскохорватских селах Венгрии, только подтверждают общность описываемой народной традиции. Справедливо и расхожее мнение о том, что в градищанских селах на территории Австрии демонологических сюжетов гораздо больше. Тем не менее во время этнолингвистической экспедиции к градищанцам Венгрии были отмечены некоторые важные аналогии с представленным ранее материалом из Австрии (см. раздел о «низшей» мифологии в [7, с. 148–156]).

Ведьма. Несмотря на то что ведьма (*viška*) — наиболее известный персонаж в Среднем Градище, на территории Венгрии встретились лишь сюжеты, общие для всего Среднего Градища, включая австрийскую территорию: ведьмы — это старые женщины, которые якобы летают на метле (*na metli letu*) (Жидан); вихрь называют *viška* (Жидан, Присика), что связано с общеславянскими архаическими представлениями о вихре как сборище нечистой силы (подробнее о семантике вихря у славян см.: [3]). Повсеместно встречается типично южнославянский сюжет о том, что если человек тяжело дышит во сне, то его «душит ведьма» (*viška gnjavi*), «душат ведьмы» (*viške ga gnjavidu*). Следует добавить, что функция душить, давить человека во сне приписывается и таким персонажам, как «мора» (южные и западные славяне), домовик, домовый (восточные славяне). У градищанских хорватов Венгрии *viška* в этих случаях выступает как аналог «моры»: ср. рассказ о юноше, который отверг девушку на вечеринке, после чего она приходила по ночам душить и давить его, пока местный пастух не помог ему избавиться от напасти [11, с. 27–28]²⁴.

По всему Среднему Градищу известна весьма разветвленная терминологическая лексика, связанная с лексемой *viška*: если младенец долго плачет, не переставая, значит, он заколдован — *zaviškan* (Венгрия, Австрия); в лесу можно встретить круг вытопанной травы, где танцевали персонажи, — *viškinje kolo* [букв. ‘круг ведьм’] (Австрия); персонификация сильного вихря — *viškinji kralj* [‘король ведьм’] (Австрия) и т. д. (см. также: [7, с. 150–152]). Вместе с тем в Венгрии отмечено и другое архаическое название этого персонажа: *vračka* ‘ведьма’ (причем так называют ведьму в Плайгоре, по сообщению из соседнего Жидана). Однако в настоящее время о женщине, которая ловка в работе и много успевает сделать, венгерские градищанцы говорят: *prava viška* (букв. ‘настоящая ведьма’).

Вила. Рассказы градищанцев Венгрии об этом персонаже очень скудные: «вилы» появляются в белых одеждах; это, скорее всего, добрые существа, которые помогают людям. Однако односельчане их боятся и пугают ими детей: «белые вилы идут» — так говорили детям при виде приближающейся процессии ряженных в белых костюмах снеговиков, набитых соломой (Плайгор).

Место обитания чудесных персонажей «вилы» — лесной участок Фратровац (Жидан). Для всей округи это сказочное место, где происходят разные чудеса. Так, колодец, который находится в лесу Фратровац, способен переносить людей во времени; то же относится к пребыванию в лесном замке (*kluošter*): девушка отправляется за во-

²³ Село Шушево (Nebersdorf) находится в австрийском Бургенланде (Среднее Градище); примечательно, что в самом селе рассказы о ведьме носят весьма традиционный характер: «она летает на метле», «против нее помогает метла, поставленная ручкой вниз у входной двери» и т. д. В Шушево имеется и старинный замок, что, видимо, способствует созданию мистической атмосферы вокруг этого села.

²⁴ В опубликованных рассказах с территории Венгрии спектр вредоносных действий ведьмы показан более широко, чем это удалось зафиксировать от жителей во время экспедиции, например, они привораживают юношей к своему дому с помощью еды; во время шабаша едят друг друга, после чего снова оживают и т. п. [11, с. 19, 22].

дой для жнецов, монах у колодца приглашает ее посмотреть замок, девушка соглашается и возвращается на поле (или в свою деревню) через 20 лет [11, s. 8–10]. В селах из окрестностей Фратроваца были записаны нарративы о том, как здесь когда-то жили монахи-францисканцы, но их в этом лесу казнили (отрубили головы), после чего духи монахов пугают посетителей леса, показываясь без голов (Жидан, Плайгор). Впрочем, само место Фратровац, по рассказам жителей Жидана, находится точно на полпути к Плайгору, тогда как сами плайгорцы место Фратроваца «переносят» гораздо дальше за село. Именно оттуда, по их мнению, приходят в село «белые вилы». Указанная замена вилы / монахи прослеживается и в ряде других нарративов. В сказках из долины Рёпце свежее испеченные лепешки, хлеб для работников на поле могут оставлять монахи (за то, что те помолились Богу перед началом пахоты) или же «белые вилы», поскольку «никто другой это сделать не может» [11, s. 9–10]. «Белая вила» также помогает людям окучивать и обрезать виноград, пока те отдыхают в тени²⁵, при этом все эти события происходят рядом с местом Фратровац (в опубликованных рассказах место их работы называется *Podfratrovac*) [11, s. 11]. Устойчивый у хорватов Градища сюжет о том, как вилы пекут для людей хлеб, на австрийской стороне получает подтверждение во фразеологизме — образном обозначении красного небесного зарева на закате: *biele vile kru(h) pekli*, букв. ‘белые вилы хлеб пекли’. Никто не может видеть, как они это делают: «Никто этих печей не видел, но так говорят» (Филеж, Австрия). Обозначение того же природного явления у градищанцев Венгрии имеет другой субъект действия: *andjeli kruh peći*, букв. «ангелы хлеб пекут» (Жидан)²⁶.

Огненный. Мифологический персонаж, именуемый у градищанских хорватов *ognjeni (zmaj)*, может выступать в разных ипостасях. Наиболее часто в Среднем Градище на территории Австрии встречалась быличка о том, как кони ночью неожиданно останавливались как вкопанные, не двигаясь с места, поскольку на опору телеги садился *ognjeni*, при этом был виден светящийся огонек. Генезис персонажа нередко связывался с душами невинно убиенных детей, просящих покаяние; явление также характеризовали и как ночную встречу с «огненным дьяволом». Вместе с тем встречались и рассказы о том, что это проносящийся над селом змей, рассыпающий искры и прилетающий через печную трубу к местной ведьме (Филеж, Мьеново, Велики Бориштоф). На территории Венгрии известны оба сюжета нарративов. С одной стороны, указывались даже определенные места вблизи села (Фратровац у Жидана; мост через болотце около Унды)²⁷, где в полночь останавливались запоздалые повозки под тяжестью севшего на *švoru* (нижнюю опору телеги) «огонька», после чего кучер не мог двигаться дальше (Унда, Присика, Жидан, Плайгор)²⁸. С другой стороны, «огненного» якобы видели в облике яркого луча, рассыпающего искры, сноп света, стремительно пролетающего

²⁵ Другие добрые дела белых вил, не связанные с земледелием: одаривают нищего кузнеца золотыми гвоздями; награждают золотом бедняка и т. п. [11, s. 10–12].

²⁶ О других заменах субъекта в вариантах данного фразеологизма в Северном Градище см.: [8, с. 203].

²⁷ К опасным сельским местам относили также перекрестки: точно в полночь там проносились повозки с нечистой силой, ср. быличку о том, как бившийся об заклад юноша остался в полночь на перекрестке, очертив вокруг себя саблей круг; кучер повозки, пролетавшей в полночь через перекресток, потребовал освободить дорогу, но юноша, наученный местным пастухом, не тронулся с места; тогда кучер попросил его высказать любое желание, после чего мешок с деньгами рухнул к дому юноши, но тот умер от страха, когда увидел это по возвращении (Жидан) [11, s. 15–16].

²⁸ В опубликованных быличках *Ognjeni* появляется на дороге вблизи Фратроваца (Плайгор) или вылетает из Фратроваца (Жидан, Присика) [11, s. 12–13].

мимо наблюдателей, которые едва успевали от него укрыться [11, s. 12], при этом весьма устойчивой оказывается ассоциация именно со змеем, которого называли *glavoša ognjeni*, букв. ‘большеголов огненный’ (Жидан). Есть и прямые аналогии со «змеем летающим», вступающим в половой контакт с местными жительницами, ср. рассказ о ночном посещении сельской девушки «Огненным», принявшим облик прекрасного юноши (Присика) [11, s. 15].

Особенно интересными представляются мотивы драки, боя между двумя персонажами, называемыми *ognjeni*. Так, в рассказах из долины реки Рёпце повествуется, как прилетевшие из Фратроваца два «огненных» дрались горящими палками в ближайшем к этому месту винограднике (Присика) [11, s. 13]. В самой Хорватии подобные сюжеты отмечены в Истрии и северной Далмации (В. Чулинович-Константинович, И. Лозицей), а также в Словении (Й. Келеминой); особенно распространены мотивы битвы в Восточной Герцеговине и Черногории как борьба погодных демонов «здухачей» («стухачей») за урожай [6, с. 224–225, 658–665]; аналогичные рассказы и сегодня фиксируются в западной Сербии (соб. зап., села Мионица, Скакавци вблизи Косьерича, 2016 г.). Мотив драки именно огненными орудиями битвы адресует нас, прежде всего, к словенско-хорватскому пограничью как территории концентрации сюжетов, связанных с борьбой «громовержцев» за принадлежащее им место, о которых см.: [14, s. 42–43; 4, с. 128–129, 139–140].

Таким образом, Среднее Градище, находящееся в течение многих веков в австро-венгерском окружении, до сих пор сохраняет черты славянского архаического культурного ареала, многие из которых отсылают исследователя к первичной территории расселения хорватов — юго-западной Хорватии. Часть архаических ритуалов поддерживается аналогичной обрядностью иноэтничного и иноязычного окружения, многие местные особенности постепенно утрачиваются под влиянием новых социально-экономических отношений и современных культурных ценностей. Но вместе с тем в народных представлениях, связанных с календарной обрядностью и «низшей» мифологией, до последнего времени сохраняются древние черты, показывающие общность «австрийских» и «венгерских» хорватов Среднего Градища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. 488 с.
- 2 Виноградова Л. Н., Усачева В. В. Зеленъ // Славянские древности. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 308–312.
- 3 Левкиевская Е. Е. Вихрь // Славянские древности энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 379–382.
- 4 Михайлов Н. А. Фрагмент словенской мифопоэтической традиции // Концепт движения в языке и культуре. М.: Индрик, 1996. С. 127–141.
- 5 Плотникова А. А. Вестись, водиться, плодиться // Славянские древности. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 355–357.
- 6 Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 770 с.
- 7 Плотникова А. А. Славянские архаические ареалы: архаика и инновации. М.: Изд-во ИСл РАН., 2016. 320 с.

- 8 *Плотникова А. А.* Антропоцентризм в языке и народной традиции градищанских хорватов Австрии // Антропоцентризм в языке и культуре. М.: Индрик, 2017. С. 197–210.
- 9 *Толстая С. М.* Кража // Славянские древности. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 640–643.
- 10 *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
- 11 *A Répce mente meséi és mondái.* Szombathely, 1996. 159 s.
- 12 *Horvat I.* Narodni običaji Gradišćanskih Hrvata // Gradišćanski Hrvati. Zagreb: Čakavski sabor, 1973. S. 129–132.
- 13 *Jordanić M.* Narodni običaji Gradišćanskih Hrvatov. Das Brauchtum der Burgenlandkroaten. Filež, Nikitsch: Literatur und Kulturverein, 2009. 281 s.
- 14 *Kelemina J.* Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitološkim uvodom. Celje, 1997. 404 s.
- 15 *Naše jačke kroz ljeto / Burgenländische Kroatische Volkslieder im Jahreszyklus.* Oberpullendorf / Oberschützen, 2013.
- 16 *Povijest i kultura Gradišćanskih Hrvata.* Zagreb: Nakladni zavod Globus, 1995. 560 s.

© 2018. Anna A. Plotnikova
Moscow, Russia

THE MAIN MOTIVES IN THE FOLK CULTURE OF BURGENLAND'S CROATS (AUSTRO-HUNGARIAN BORDERLAND)

Acknowledgements: The original work is performed with a grant from RSF № 17-18-01373 “Slavic archaic areas in Europe: ethnolinguistic studies”.

Abstract: The paper explores the folk culture of Middle Burgenland in the Austro-Hungarian frontier. Traditionally, Croatian Burgenland, or Gradište, as it is called by Croatian settlers, is divided into Northern, Middle and Southern. All three parts differ in dialects and certain lexical features including terminology of traditional folk culture. The article analyzes main motives in people's culture of Middle Burgenland: there are villages Großwarasdorf and Kleinwarasdorf, Nikitsch, Kroatisch Minihof, Geresdorf, Frankenau, Unterpullendorf, Nebersdorf on the Austrian side; Und, Peresznye, Horvátzsidány, Ólmod are in Hungary. The author conducted field ethnolinguistic study (2007–2017) in all abovementioned villages, all collected data forming the basis of the work. The article shows similarities and differences in the folk calendar and mythology of Middle Burgenland characterizing rural traditions of Croats in Austria and Hungary. The paper also highlights archaic features of traditional folk culture on both sides of the border.

Keywords: Croats of Burgenland, ethnolinguistics, folk culture, folk vocabulary, archaic Slavic areas, folk calendar, producing rituals, prohibitions, folk mythology.

Information about the author: Anna A. Plotnikova — DSc in Philology, Leading Researcher, The Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Science, Leninsky av., 32 A, 119334 Moscow, Russia. E-mail: inslav@mail.ru

Received: August 28, 2017

Date of publication: March 15, 2018

REFERENCES

- 1 Berezovich Je. L. *Ruskaia leksika na obschslavianskom fone: semantiko-motivacionnaia rekonstrukciia* [Russian vocabulary on the All-Slavic background: semantical and motivational reconstruction]. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke Publ., 2014. 488 p. (In Russian)
- 2 Vinogradova L. N., Usachova V. V. Zelen' [Green] *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1, pp. 355–357. (In Russian)
- 3 Levkijevskaia Je. Je. Vihr' [Whirlwind] *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1, pp. 379–382. (In Russian)
- 4 Mihailov N. A. Fragment slovenskoi mifopoeticheskoi traditsii [A fragment of Slovenian mythopoetic tradition]. *Kontsept dvizheniia v iazyke i kul'ture* [The concept of movement in language and culture]. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 127–141. (In Russian)
- 5 Plotnikova A. A. Ves'tis', vodit'sia, plodit'sia [To reproduce, to produce, to multiply]. *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1, pp. 355–357. (In Russian)
- 6 Plotnikova A. A. *Etnolingvisticheskaia geografiia Iuzhnoi Slavii* [Ethnolinguistic geography of Southern Slavia]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 770 p. (In Russian)
- 7 Plotnikova A. A. *Slavianskie ostrovnye arealy: arkhaika i innovatsii* [Slavic insular areals: antiquity and innovations]. Moscow, Izdatel'stvo ISl RAN Publ., 2016. 320 p. (In Russian)
- 8 Plotnikova A. A. Antropotcentrizm v iazyke i kul'ture gradischanskih horvatov. [Anthropocentrism in language and culture of Burgenland's Croats]. *Antropotcentrizm v iazyke i kul'ture* [Anthropocentrism in language and culture]. Moscow, Indrik Publ., 2017, pp. 197–210. (In Russian)
- 9 Tolstaia S. M. Krazha [Theft]. *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1999, vol. 2, pp. 640–643. (In Russian)
- 10 Tolstoi N. I. *Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 512 p. (In Russian)
- 11 *A Répce mente meséi és mondái* [Tales and stories of Repce's valley]. Szombathely, 1996. 159 p. (In Hungarian)
- 12 Horvat I. Narodni običaji Gradišćanskih Hrvata [Folk customs of Burgenland's Croats]. *Gradišćanski Hrvati* [Burgenland's Croats]. Zagreb, Čakavski sabor Publ., 1973, pp. 129–132. (In Croatian)
- 13 Jordanić M. *Narodni običaji Gradišćanskih Hrvatov. Das Brauchtum der Burgenlandkroaten* [Folk customs of Burgenland's Croats]. Filež, Nikitsch, 2009. 281 p. (In Croatian/Deutsch)

- 14 Kelemina J. *Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitološkim uvodom* [Tales and stories of the Slovenian people, with a mythological introduction]. Celje, 1997. 404 p. (In Sloven)
- 15 Naše jačke kroz ljeto [Our folk songs through the summer], *Burgenländischkroatische Volkslieder im Jahreszyklus* [Burgenländischkroatische Volkslieder them Jahreszyklus]. Oberpullendorf/Oberschützen, 2013. (In Croatian/Deutsch)
- 16 *Povijest i kultura Gradišćanskih Hrvata* [History and culture of Burgenland's Croats]. Zagreb, 1995. 560 p. (In Croatian)